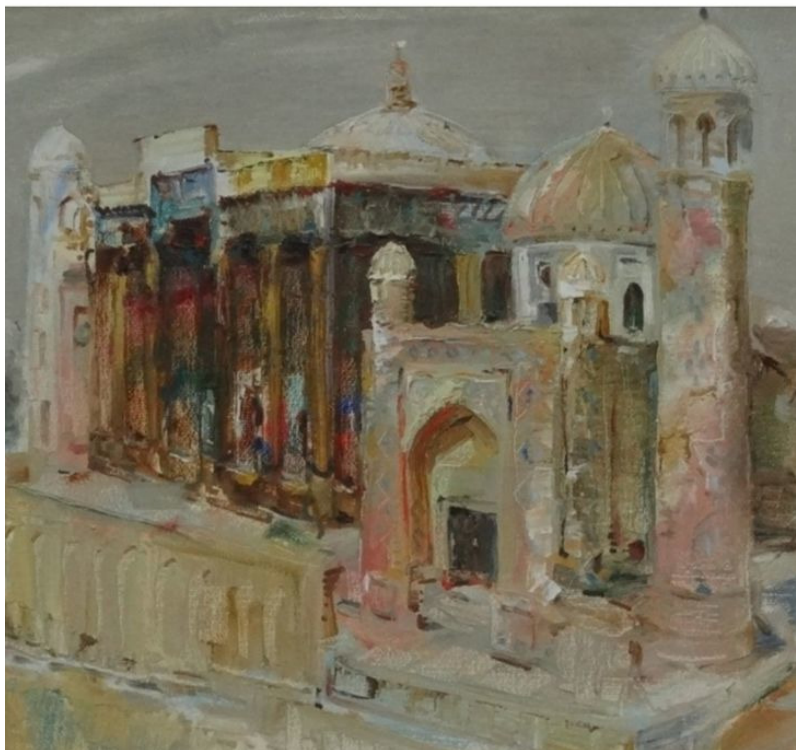

18+

АЛЬМАНАХ 2019

Страны моей жемчужины

Елена Петровна Долгополова

Страны моей жемчужины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50283139

ISBN 9785449813923

Аннотация

Для каждого человека Родина – это место, с которым связаны лучшие воспоминания. Это может быть горная река, у которой вырос, древний минарет, возвышающийся над городом, тихая улочка, по которой в детстве бегал с друзьями. Из бесценных жемчужин воспоминаний и сюжетов о жизни – современной, прошлой, будущей или даже представленной в фантастическом повествовании – собран альманах, общая цель которого дать нестандартное представление об одной из удивительных стран Средней Азии – об Узбекистане.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Рассказы конкурсантов	8
Галина ШИРЯЕВА	9
Минарет	9
Татьяна БАЕВА	23
Комета Дракона	23
Мунира БАБАЯРОВА	32
Непобедители	32
Мария КРАСОВСКАЯ	48
Эдельвейс	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Страны моей жемчужины

Редактор Елена Петровна Долгополова

Иллюстратор Аслиддин Искандарович Исаев

© Аслиддин Искандарович Исаев, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-1392-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЬМАНАХ

СТРАНЫ МОЕЙ ЖЕМЧУЖИНЫ

Составители:

Владимир Васильев – писатель, член Союза писателей Узбекистана, председатель Совета по русской литературе СП Узбекистана;

Елена Долгополова – редактор журнала «Звезда Востока», кандидат филологических наук;

Галина Долгая – писатель, член Международной гильдии писателей

ПРЕДИСЛОВИЕ

Узбекистан – страна с богатой историей, красивой и разнообразной природой, современными городами и живописными поселками, в которых живут трудолюбивые и талантливые люди!

В 2019 году Советом по русской литературе Союза писателей Узбекистана при поддержке Интернационального совета Союза писателей Узбекистана был организован конкурс литературных произведений «Страны моей жемчужины» с целью привлечения внимания общественности к достопримечательностям республики через описание ее природы, истории, современности в литературных произведениях авторов Узбекистана.

«Страны моей жемчужина» – это строка из стихотворения «Голубая Азия» ташкентского поэта Геннадия Ивановича Ким (1933 – 2009).

Когда идете утром вы
В прохладной синеве,
Росинки перламутрово
Сверкают на траве.

Приветливо и радостно
Волнуются сады,
На ветках зреют радужно

Румяные плоды.

Долина вмиг разбужена,
Прекрасен ясный взор...
Страны моей жемчужина
В оправе дивных гор...

О, голубая Азия,
Где с детства я живу,
Ты – тихая фантазия,
Ты – сказка наяву!

Конкурс проводился на двух языках: узбекском и русском; и в двух основных номинациях: проза и поэзия. Дополнительной номинацией было объявлено голосование читателей, в результате которого определялись лауреаты Приза читательских симпатий.

В представленном Альманахе опубликованы лучшие работы участников конкурса, пишущих на русском языке.

Работы собраны в два подраздела: рассказы и стихотворения, и расположены в порядке занятых мест.

В номинации «Проза» первое место заняла Галина Широкая с рассказом «Минарет», второе – Татьяна Баева с рассказом «Комета Дракона», третье – Мунира Бабаярова с рассказом «Не победители».

Мария Красовская с рассказом «Эдельвейс» выиграла Приз читательских симпатий.

В номинации «Поэзия» призовые места распределились следующим образом:

Алексей Гвардин за стихотворение «Зима в Ташкенте» занял первое место;

второе место у Светланы Ярцевой за стихотворение «Вечный город»;

третье место завоевала Раиса Крапаней за стихотворение «Здесь Вася был!».

Приз читательских симпатий получила Гулико за стихотворение «Обитель живого духа».

Отдельным блоком представлены работы членов судейской коллегии.

В своих рассказах и стихотворениях участники конкурса описали замечательные места Узбекистана, создав сюжеты, основанные на истории нашего края, на воспоминаниях о детстве и юности, на современных историях жизни, а также придумали фантастические сюжеты, действие которых развивается в старинных городах Узбекистана – Бухаре, Самарканде, или в прекрасных уголках природы.

Надеемся, что работы узбекистанских авторов понравятся читателям, и желаем всем приятного чтения!

*Галина Долгая, писатель,
член Международной гильдии писателей,
координатор конкурса.*

Рассказы конкурсантов

Галина ШИРЯЕВА

Минарет

Едва первые лучи солнца коснулись куполов священной Бухары, как послышался призыв к бамдаду – первому намазу, и благословенный город стал излучать свет, восходящий к ясному небу.

Специально выбрав для прогулки утреннее время, пока июльская жара не вступила в свои права, я медленно прошла по базару, направляясь к сакральному Минарету Калян, который, царствуя над городом, указывал путь к «Подножию Великого» – кафедральной мечети Калян.

Базар просыпался рано. Торговцы уже раскладывали на прилавках товар. То здесь, то там, повинувшись зову азана, расстилали молитвенный коврик кузнец и чайханщик, продавец лепешек и гончар. Только сейчас я поймала себя на мысли, что с тех пор, как я последний раз была здесь, прошло очень много времени. Люди изменились, стали жить и одеваться иначе, а дух базара остался прежним: все та же пестрота, шум, и яркость красок, объединяющие продавцов и посетителей в единое сообщество.

Не дойдя до минарета сотню шагов, я остановилась. Он почти не изменился. Все так же строг и величав. Вместе

с тем четок, ясен, с филигранно проработанными деталями и строго выдержанными пропорциями. По одной из легенд мастер – строитель Бако, заложивший фундамент минарета из алебастра и молока верблюдицы, исчез, дабы не навлечь на себя гнев эмира из-за задержки работ. Вернулся он только через два года, когда фундамент прочно застыл, и продолжил строительство.

Это в назидание потомкам, которые даже и не мечтают прославиться в веках или хотя бы оставить о себе добрую память. Их единственное желание – обогатиться, быстро и постыдно, строя некачественные и опасные для людей здания.

Много раз я приходила полюбоваться этим величественным сооружением, восхищаясь застывшей музыкой его узорчатой кладки. Однако, когда вспоминаю все сто пять ступеней к верхней площадке, каждая из которых приближает к смерти, мне становится не по себе.

С трудом оторвавшись от созерцания Минарета, я напредила себе о неотложном деле. Несколько дней блуждания по Бухаре не принесли ожидаемого результата. Солнце жгло немилосердно, когда, уже почти отчаявшись, я медленно брела вдоль небольших лавочек и магазинчиков. Поэтому, как только браслет на левой руке, который на самом деле прибор, тихонько зажужжал, я в растерянности остановилась. Не веря удаче, огляделась вокруг, определяя место сигнала. К счастью, поблизости, кроме старой сувенирной ла-

вочки, ничего не было. В таких убогих лавчонках обычно продают поделки местных мастеров, но ведь сигнал не мог меня обмануть! Хозяин, не замедлив появиться, стал расхваливать товар, который обычно предлагают туристам. Видя, что меня ничто не заинтересовало, он, не желая упустить выгодного покупателя, предложил выпить кофе. Я очень люблю этот замечательный напиток и сам ритуал его приготовления. Сев в небольшое кресло в прохладном помещении, я с удовольствием наблюдала, как хозяин варит кофе в турке на углях.

– А нет ли у вас старинных поясов? – решила я приоткрыть карты.

Лавочник, оторвавшись от своего занятия, с воодушевлением выложил передо мной целый ворох самых разнообразных поясов, но я сразу увидела *его*, и на душе стало легче. Неприметный тонкий черный пояс с несколькими небольшими камешками. Хозяин, очевидно, был разочарован моим выбором. С его точки зрения, этот пояс был слишком прост, непригляден и стоил недорого. Однако, как истинно восточный торговец, он с детства был приучен угождать покупателям. Поставив передо мной на столик чашечку кофе и стакан воды, он стал рассказывать историю пояса, явно желая поднять его цену.

– А знаете ли вы, уважаемая госпожа, что по легенде этот пояс принадлежал жене шаха Асланхана прекрасной Агаханум? – и, не дожидаясь ответа, начал повествование: – В ста-

родавние времена правил... – голос лавочника звучал монотонно и успокаивающе.

Я не слушала его, потому что охватившие меня воспоминания были ярче, красочней и трагичнее легенды.

...Комната была поразительно красива: толстые красочные ковры на полу, блестящие медные лампы, полированное дерево мебели, разноцветный шелк и бархат портьер. Не менее красивой оказалась и женщина, сидящая на тахте среди многочисленных подушек. Жена шаха, Агаханум, была одета в золотистые одежды. Темные волосы распущены, за исключением одной-единственной тонкой косички с жемчужной заколкой. Тонкую шею украшало великолепное бриллиантовое ожерелье.

Постучавшись, в комнату вошла любимая служанка шахини Гузель и склонилась в ожидании приказаний.

– Гузель, а не поехать ли нам в город? – немного оживившись, предложила госпожа.

Она была добра, умна, демократична, но очень одинока. Большую часть дня женщина проводила за чтением книг, что было нетипично для обитательниц гарема. Несмотря на окружавшую ее роскошь, Агаханум была несчастна. Причина грусти была ясна окружающим: шах Асланхан не любил молодую госпожу. Он взял ее в жены лишь по политическим соображениям, чтобы привлечь в союзники ее брата, могущественного хана Саида Ахмета. Не смея обижать

женщину из влиятельного рода, он был с ней холодно-вежлив, предпочитая проводить время с наложницами в пирах и празднествах.

Накинув покрывала, женщины вышли из ворот дворца. Там уже был наготове нарядный паланкин. Сопровождаемая охраной и рабами, Агаханум решила поехать в недавно построенную ею больницу для бедных. Жители благословенной Бухары любили свою госпожу за щедрость и доброту и встречали ее радостными возгласами. Благодаря ее милости в городе строились мечети, медресе, столовые, больницы.

Тем временем в оставленном шахиней дворце происходили некоторые события.

Евнух гарема, Хасан-ага отдыхал. Поэтому был весьма недоволен, когда его послеобеденный сон нарушило появление раба. Он уже хотел было выгнать беднягу, но, тот павшиц, протянул письмо.

– Благословенной госпоже Агаханум от великого хана Саида Ахмета.

Хасан-ага внимательно разглядывал запечатанный свиток. В душе его шла борьба. Он и так и сяк прикидывал, как ему следует поступить. С одной стороны, по долгу службы он обязан был передать госпоже письмо от брата. С другой – личный интерес толкал передать это послание фаво-

ритке Асланхана – госпоже Айгуль, которая ненавидела жену шаха и щедро одаривала евнуха за сведения о каждом шаге соперницы. Открыв крышку сундука, евнух пересчитал спрятанные в самом дальнем уголке сокровища – небольшие мешочки с монетами – и вздохнул.

– Да, здесь явно не хватает еще одного, – мечтательно прошептал ага.

Спрятав письмо за пазуху парчового халата и воровато озираясь, Хасан-ага медленно пошел в покои фаворитки. Вернувшись к себе, евнух добавил к своим сокровищам еще один вожделенный мешочек.

В комнате сидел мужчина в богатых одеждах, но на лице его застыло выражение крайней апатии и скуки. К тому же мешки под глазами и нездоровый цвет лица указывали на бессонные ночи, проводимые в пирах, и излишества. Этим человеком был правитель Бухары Асланхан. У ног его сидела женщина редкой красоты в лиловых шелковых шароварах и такого же цвета лифе, украшенном пурпурным бархатом. Наряд дополняли красиво сработанный пояс с золотом и аметистами, изящные парчовые туфельки и пурпурное шелковое покрывало. Иссиня-черные волосы были зачесаны назад, открывая и подчеркивая тонкие черты лица восточной красавицы. Одежда была великолепна, но застывшая на лице маска неумеренной гордости и надменного пренебрежения, портила ее красивое лицо и производила оттал-

квивающее впечатление. Этой женщиной была фаворитка шаха – госпожа Айгуль.

– Великий шах, – обратилась она к повелителю, что пишет благословенный хан Саид Ахмет?

– Не знаю, давно не получал от него известий, – зевнул шах.

– Как? – восточная пери сделала удивленные глаза, – я вчера сама видела, как госпоже Агаханум вручили письмо. Видя, что Асланхан никак не реагирует на это известие, она тихонько прошептала;

– А может, и не от хана Саида Ахмета?..

– Что ты болтаешь, несчастная! – шах вскочил на ноги – сонливость как рукой сняло. Правитель был флегматичным и ленивым человеком, но очень вспыльчивым. Когда на него нападали приступы гнева, то вся дворцовая челядь пряталась по углам. Красавица Айгуль хорошо знала об этих свойствах его характера и частенько манипулировала господином. Быстро выйдя из комнаты, шах отправился к покоям Агаханум.

После умывания розовой водой Гузель точными движениями стала наносить на лицо госпожи крем из драгоценных масел и настоя фиалки.

– Гузель, расскажи мне еще раз милую историю про мужчину, который, будучи уже в возрасте и счастливом браке, встретил загадочную девушку. Она стояла на невысоком хол-

ме в белоснежном платье, и ветер трепал ее волосы, золотистые, как цветок одуванчика.

Эта девушка утверждала, что прибыла из будущего. Мужчина, конечно, не поверил. Когда бедняжка потеряла отца, изобретателя машины времени, то рискнула всем и отправилась в прошлое, но на двадцать лет назад. К счастью, этот мужчина, который полюбил ее в зрелом возрасте, смог полюбить и в молодости, и они поженились. Позже, когда он нашел чудесное белое платье, будто сшитое из морской пены и снега, он все понял. Этой девушкой была его жена, с которой он счастливо прожил двадцать лет. Какая изумительная история! Бросить все, что тебе дорого, ради любимого, – слезы умиления текли по лицу Агаханум. – Впрочем, я эту сказку хорошо помню, расскажи-ка мне лучше еще раз предание, где супергерой поворачивает Землю, чтобы спасти подругу.

Агаханум очень нравились странные истории, которые рассказывала ей служанка. И она вновь и вновь просила их повторить.

– Это так интересно! Неужели мужчина может подчинить себе столь могучих джинов? Получается, что все подвиги в мире совершаются ради любимых. Гузель, откуда ты знаешь такие странные сказки? Может, ты пери из волшебной страны?

Необычные рассказы служанки действовали на госпожу завораживающе и позволяли отвлекаться от роскошной, но, в сущности, пустой и однообразной жизни. Агаханум тяну-

лась ко всему необычному. Может быть, потому, что она была умна, очень образованна для своего времени и восприимчива ко всему новому.

– Я все это придумала, госпожа, – слегка улыбнувшись, ответила девушка.

Но в это время милая болтовня женщин была прервана. Со стуком открылась дверь, и в комнату вошел шах. Глаза его пылали гневом.

– Где письмо? – прорычал правитель.

– Какое письмо, повелитель? Растерявшаяся женщина не знала, что и сказать. Шах сделал нетерпеливое движение рукой, и евнухи начали обыскивать комнату. Наконец один из них с поклоном подал свиток.

Чем больше шах читал, тем сильнее гневался:

Луноликая госпожа моя, когда ты в следующий раз поедешь навестить несчастных бедняков в больнице, позволь хоть на секундочку увидеть твое прекрасное, воспеваемое в народе лицо.

– Что?! – взревел шах. – Нечестивая! Вот почему ты постоянно едешь в город. А я-то думал, ты занимаешься благотворительностью!

– Повелитель, – женщина упала на колени. – Это не мое письмо. Сжался. Я ничего плохого не сделала и ни в чем не виновата, – рыдала несчастная. Но рабы, подхватив ее под

руки, уже тащили в подземелье. Никто не заметил, как прячущаяся за колонной Айгуль злорадно и торжествующе улыбалась.

До поздней ночи Гузель ходила по комнате и думала, как спасти бедную женщину. В том, что ее ждет ужасная смерть, она не сомневалась. В те времена, даже недоказанная измена правителю каралась беспощадно – без суда и следствия. Минарет Калян служил не только местом призыва к намазу и маяком для караванов, заблудившихся в пустыне. У него было ещё одно название – Башня Смерти, так как с него сбрасывали осужденных шахом людей.

Нужно было срочно что-то делать. Наконец, ей в голову пришла блестящая идея. Во дворце Агаханум любили за приветливость и доброе отношение к слугам, поэтому девушке легко удалось пробраться в темницу – охрана сделала вид, что ничего не видит.

Бедная женщина сидела на полу, закрыв лицо руками.

– Госпожа, – тихо позвала девушка. Пленница тут же встрепенулась и подбежала к решетке.

– Гузель, ты ведь знаешь, что это происки злобной Айгуль.

– Я знаю, госпожа, но не отчаивайтесь. Я обещаю, что вы не умрете, если исполните в точности то, что я скажу.

– Я верю тебе, Гузель, как самой себе. Говори.

Гузель что-то прошептала шахине на ухо, одновременно протягивая небольшой предмет. Пленница удивилась, но обещала все выполнить в точности.

На следующий день народ собрался у башни, чтобы проводить в мир иной любимую госпожу. Многие плакали. Агаханум, разодетая в несколько богатых платьев, гордо подошла к башне и стала забираться наверх. Гузель мысленно поднималась вместе с ней – ступенька за ступенькой. Ровно сто пять, каждая из которых приближала к неминуемой гибели. Несмотря на то что девушка была уверена в счастливом исходе, ей все равно было страшно.

Очнувшись от дум, я услышала, как лавочник рассказывает окончание легенды.

– Шахиня была женщиной умной. Накануне казни она попросила шаха исполнить ее последнее желание. Он дал согласие. В день казни Агаханум надела все свои платья и юбки и с гордо поднятой головой поднялась на башню.

Женщина спокойно встала на край минарета и прыгнула вниз. Народ замер, но в ту же секунду в толпе послышались крики: «О чудо!» Женщина не погибла, потому что её платья надулись парашютом и плавно спустили её вниз, на землю. Отдав должное смелости и смекалке жены, Асланхан отменил казнь.

Аккуратно сложив купленный пояс, я положила его в сумочку. День клонился к вечеру, жара спала, и вечерняя Бухара стала еще прекрасней. Миссия выполнена, можно было возвращаться домой. Меня охватило чувство гордости. Я стояла у минарета, о котором народ сложил легенду.

Не могу назвать себя иностранкой, скорее, иновременкой. Мы не можем вмешиваться в историю древних веков, а лишь наблюдаем и слегка корректируем некоторые события.

Когда бедную шахиню ждала неминуемая кара за преступление, которого она не совершала, пришлось пойти на крайнюю меру – использовать для ее спасения антигравитационный прибор в виде пояса. Но если бы она осталась жива по непонятной людям причине, то те, кто так радовался ее спасению, вне сомнения, признали бы ее ведьмой и закидали камнями. Такие уж средневековые нравы. Вот и пришлось придумать многочисленные платья, как бы послужившие парашютом.

Теперь мне предстояло срочно покинуть это время, но я не могла уйти, не решив одного вопроса. Я «уговорила» главного евнуха Хасана-агу пойти к шаху и рассказать, что злополучное письмо было от брата госпожи. Большой мешок с золотыми монетами послужил неопровержимым доказательством. Люди во все времена жаждали золота и готовы были ради него потерять честь, совесть и достоинство, не понимая, что это просто жалкая горка металла. Не смог преодо-

леть свою алчность и евнух...

После моих «уговоров», ворча и стеля, он все же отправился к повелителю, солгав однако господину, что якобы коварная Айгуль украла у него письмо. Шах, по обыкновению, разгневался и прогнал жадного евнуха из дворца. Впрочем, тот был уже так богат, что не слишком этому огорчился. Кстати, Айгуль шах тоже выгнал, но ее судьба мне неинтересна.

Я думаю, Агаханум скучала без меня. Впоследствии она написала от руки рассказы, назвав их «Сказания пери Гузель». Они не понравились современникам, которые усомнились в нравственном здоровье шахини и посчитали, что к подобным выдумкам ее привел шок, полученный бедной женщиной после прыжка с Башни Смерти. Хорошо, что она догадалась не упомянуть пояс в своих рукописях...

То, что должно было случиться, случилось. Все пошло своим чередом, как и написано в истории. У Агаханум родилась девочка, которая впоследствии вышла замуж за важного представителя знати того времени. У них родилась дочь, известная в истории как Гаухаршад-бегим и вышедшая замуж за младшего сына Темура – Шахруха. Ее гениальные сыновья – Великий Улугбек и Байсонкур, основатель академии художеств в Герате, стали гордостью человечества. Наблюдательный Совет Времени не мог допустить, чтобы прервалась эта ниточка. Как бы я ни любила эту добрую женщину,

но права вмешиваться в историю ее жизни не имела. Считаю, что Агаханум являлась достойной прабабушкой Великого Улугбека. Однако я допустила одно важное упущение – не успела вовремя забрать пояс. Теперь этот промах исправлен. Человечество нескоро, но все же изобретет этот замечательный прибор. А сейчас еще рано. Всему свое время.

Татьяна БАЕВА

Комета Дракона

Выехав из Идирне в канун праздника Рамадан 80 дней назад ко двору правителя Мавераннахара Мухаммеда Тарагая ибн Шахруха ибн Тимура Мирзо Улугбека, посольство султана Мурада второго достигло наубехарских ворот.

Раскаленное солнце стояло уже в зените, когда отряд вошел в Самарканд и мучимый ужасающей жарой юноша в тысячный раз проклинал визиря Дамада Али-пашу за это изматывающее путешествие.

Вопреки всем ожиданиям визирь не поехал ко дворцу Кук-Сарой, а направился к мавзолею Гур-Эмир, где совершил длинный молебен у последнего пристанища «страшного хромого», как султана Мурада называл его дед, помнящий поход Тамерлана и поражение османов в Ангорской битве. И только когда солнце стало клониться к закату, отряд двинулся в сторону Чупанатинских гор. Город с его базарами, караван-сараями, лазоревыми куполами и саманными крышами, с выжженными площадями и прохладными садами остался позади. Но визирь, казалось, несколько не утомленный духотой, снова и снова повторял своему юному спутнику, что сейчас они увидят истинное чудо, созданное непре-

взойденным гением.

От подножия холма Кухак к входу странного строения шла не мощеная дорога, а обычная тропа, проложенная скотом и людьми меж камней и кустарников. Обойдя строение кругом, паша положил руку на плечо юноши и сказал:

– Смотри! Смотри во все глаза! Это истинное чудо!

Юноша был в искреннем недоумении: трехэтажное цилиндрическое строение не произвело на него ни малейшего впечатления. Он уже видел роскошные дворцы Ниаваран и Саадабад, видел величественные минареты Кутлуг Темур и Калян и не понимал, чем восхищается Дамад Али. Может, это мавзолей какого-то святого? Но тогда паша опять устроил бы молебен с жертвоприношениями – визирь любил пускать кровь. А сейчас он благоговел, как мальчишка, не стыдясь своего детского восторга.

Крики янычар прервали раздумья юноши. К ним приближался отряд из пары десятков солдат – сарбазов, сопровождающих человека на белом коне. Паша выбежал вперед, шуря близорукие глаза и силясь рассмотреть всадников, а разглядев знамена, которые означали, что к ним приближается царский угрук, взметнув руки к небу, рухнул на колени лицом вниз, да так и лежал, пока отряд не подъехал и не спешился. Юноша, которого янычары тоже поставили на колени, головы не опустил и хорошо видел, как подошел к визирю худощавый человек невысокого роста в запыленных одеждах. Только его руки, унизанные перстнями, свидетель-

ствовали о высоком сани. Приблизившись, человек поднял за печи Дамада Али-пашу и прижал к своей груди.

– Друг мой! Ты приехал. Как я счастлив видеть тебя! Не сомневался, что ты не успокоишься, пока не увидишь мое детище, о котором я столько писал тебе. Но опасался, доживу ли я до радостной встречи?

– О мой господин! Да ниспошлет вам Всевышний долгих лет жизни, полных процветания и радости. После каждого вашего письма душа моя летела к вашей обители.

– Твой султан долго не отпускал тебя. Я бы тоже не отпустил такого собеседника.

– О мой господин, поверьте, моя служба султану совсем не предполагает тех бесед, которыми вы осчастливили меня в посланиях. И теперь нет предела моему счастью видеть вас воочию.

Визирь склонил голову, поцеловав руку султана. Тот же, убрав руку и накрыв ею плечо Али-паши, как птица, взяв-шая под крыло птенца, повлек его к входу в здание. Паша обернулся и кивком приказал юноше следовать за ним.

Тусклый свет масляных фонарей, коих здесь было множество, рассеивал мрак внутри огромного помещения, давая возможность осмотреться. Все стены, как огромный улей, были испещрены нишами, в которых лежало несчетное количество свитков, книг, стопок бумаги и пергамента. Поблескивая бронзовыми кольцами, на мраморном постаменте стояла армиллярная сфера. А весь центр здания – от плоской

крыши до пола – занимал исполинский секстант¹.

Обойдя его, они приблизились к чернеющему провалу, и Улугбек потребовал у охраны факелы. Открывшаяся перед ними бездна гулким эхом повторяла благоговейный шепот паши.

– О Всевышний! Это поистине грандиозно. Я сотни раз представлял себе это, перечитывая ваши письма, мой повелитель. Но действительность превзошла картины, порожденные моим скудным разумом.

– Не принижай своей светлой головы мой друг, – ласково сказал Улугбек. – Вопросы, которыми ты задаешься, восхищают меня. Твой ум пытлив, а взор пытается пронзить невидимое. Ты должен остаться здесь, со мной, и небо откроет нам свои тайны.

– Вы слишком добры ко мне, мой господин. Имей я хоть крупицу тех талантов, коими одарены ваши сподвижники Казы-заде-Руми или звездный сокольничий Али Кушчи, клянусь, я оставил бы дворец султана и поселился в землянке у подножия обсерватории.

– Ты еще и удивительно скромн, – шутливо сказал Улугбек. – Надеюсь твоя землянка не разрушит то, что выкопал я. Взгляни.

Освещая путь факелами, они уже спустились на несколько ступеней, когда визирь обернулся и увидел застывшего в оцепенении юношу.

---

¹ Секстант – навигационный астрономический инструмент.

– Чего ты страшишься? – крикнул он. – Это не врата в преисподнюю.

Очнувшись от окрика, тот гордо вскинул голову и ответил:

– Я ничего не боюсь. Я дракон – сын дракона, и сам ад нам не страшен.

Визирь устало покачал головой:

– Простите меня, мой господин. Я плохой учитель и наставник. Этот дикий звереныш кусает руку, которая его кормит.

– И кто же это?

Несмотря на слова паши, эмир смотрел на юношу с любопытством и без злобы.

– Юный Басараб из Валахии. Он и его брат – залог их отца перед султаном Муратом. Не знаю, за какие грехи поручили моим заботам этого неверного. По-хорошему он не понимает, а проявлять жестокость мне не дозволено. Один Аллах ведает, чего стоит мое терпение.

– Всевышний воздаст тебе за это, – успокоил паша визиря и обратился к юноше: – А что страшит тебя?

– Меня страшит смерть, – и, опережая ухмылку, Дамад Али, поспешил добавить: – Смерть раньше отмщения. Я не должен умереть раньше, чем воздам всем, кого не отпускает мое сердце.

– Твоя дерзость не даст тебе дожить до седин, – покачал головой паша.

– Тогда мой гнев не даст мне успокоиться, и я дождусь их всех за небесными вратами.

Улугбек поднял факел выше и осветил лицо юноши.

– Страх и гнев. Гнев, порожденный страхом, и страх, выливающийся в гнев. А что еще теплится в твоей душе? Есть ли в твоём сердце любовь?

Любовь... любовь... слово, смутно проступающее сквозь тьму и ранящее сильнее, чем страх и гнев, вместе взятые. Он любил свой дом, мать, отца... отца больше всех. Он хотел стоять с ним плечом к плечу, как старший брат Мирчи. Но отец сам отвез его к султану вместе с маленьким Раду. Как ему тогда было страшно! И только гнев помогал выжить.

А Раду? Как он боялся за него, как опекал! Но мальчишку, похоже, нисколько не тяготил «плен». Легко выучив язык, переняв обычаи двора султана, он наспех простился с братом в день его отъезда и, схватив лук и колчан, уехал с шахзаде Мехмедом на охоту. Все, кого он любил... всё, что любил... осталось так далеко... Осталась ли любовь в его сердце? И появится ли вновь когда-нибудь?

Когда-нибудь... но не сейчас!

– Не сейчас, – озвучил он свои мысли. – Сейчас не время.

– Все мы полагаем, что у нас есть время на отложенные дела. – Сказал Улугбек, горько усмехнувшись. – А когда высчитаем срок, в который закатится твоя звезда, отказываемся верить и опять откладываем все на потом.

Паша встревоженно посмотрел на эмира и спросил:

– Ваши звезды по-прежнему предзнаменуют вам страшное?

– Моя звезда Муштари² пребывала в пятом доме, когда родился сын – кровь от моей крови. Что само по себе уже не предвещает ничего хорошего. А противостояние огненных Утаред³ и Меррих⁴ и вовсе не оставляют мне шансов. Вот теперь и ты знаешь.

– Никто не может знать о своей звезде, – упрямо выпятив подбородок, сказал юноша. – Светила подвластны только Богу.

– Это верно, но пути их открыты для нас и могут быть изучены и просчитаны. В твоей стране нет ни одного астролога?

– Есть один безумный. Монах Аврелий. Смотрит по ночам в небо, беснуется во время кровавой луны, вопя, что знал об этом. И меня сбивал с толку, говоря, что дано мне увидеть в небе огненного дракона – того, что явился моему деду, предзнаменуя, что род наш будет господарями и царями Дакии. Я поверил; смотрел в небо, а вместо этого стал рехином – заложником.

Улугбек с еще большим интересом посмотрел на юношу и спросил:

– А когда твой прародитель видел в небе дракона?

– В 1380 году от рождества Христова. В вашем исчисле-

---

² Муштари – Юпитер.

³ Утаред – Меркурий.

⁴ Меррих – Марс.

нии это будет...

– Я умею исчислять время от рождения пророка Исы, – прервал его эмир. – Дракон Гиртаб, прилетающий через поколение. Златохвостый павлин вавилонян. «Небесные метлы», записанные в летописи Чуньцю. Я не уверен... Сейчас... сейчас...

Улугбек подошел к одному из столов, на котором стояло сразу несколько светильников. Что-то записал, зачеркнул, написал снова. Вернувшись к ожидающему его Дамаду Али, он вложил в руку юноши тонкую полоску пергамента.

– Если, как говорит досточтимый паша, твоя дерзость не оставит тебя без головы и ты доживешь до означенного здесь срока, то ты увидишь в небе огненного дракона и вспомнишь старого звездочета, которого к этому времени уже не будет на свете.

Обернувшись к паше и увидев, как помрачнело его лицо, Улугбек весело произнес:

– Не печалься, мой друг. Для общения с тобой времени у меня достаточно. И зиджи⁵, за которыми ты проделал столь долгий путь, уже переписаны и ждут твоего пытливого глаза.

* * *

Одной из самых больших нумизматических ценностей се-

---

⁵ Зиджи астрономические таблицы, составлявшиеся в средние века во многих странах Востока и включавшие, как правило, каталоги звёзд.

годня является серебряный дукат, отчеканенный в 1456 году Владом III Басарабом, больше известным как Дракула. На монете, отчеканенной «набожным» господарем к пасхе, помимо фамильного герба, изображена комета, которая в том году, по свидетельству очевидцев, появилась в небе только в августе. Сам Влад считал «огненного дракона» покровителем и ждал появления кометы с уверенностью, пугающей окружающих.

О том, кто предсказал «колосажателю» появление кометы, истории неизвестно...

Мунира БАБАЯРОВА

Непобедители

«В детстве я папу любила больше, чем маму. Потому что, если мама говорила «нет», это означало нет. А папу можно было уговорить. Когда он ходил на выборы, то всегда приносил шашлык. И я очень долго думала, что выборы – это когда всем раздают шашлык и разные сладости.

На майские праздники все мамы в нашем большом дворе шили новые платья. А из оставшихся кусков материи – сарафаны нам, дочерям. Нередко можно было увидеть: идет глава семьи с женой, а позади – дети в одинаковых нарядах. Некоторые модницы посмеивались между собой: «Инкубаторские!».

От улицы Каблукова вниз к парку Тельмана шла улица Асакинская. До революции здесь находились дома инженеров, врачей и других специалистов. Здесь жила интеллигенция. По потолкам можно было догадаться, что просторные комнаты бывших хозяев, господ, были разделены перегородками, куда плотно заселились товарищи.

Мы жили на Асакинской, ворота номер пять. По примыкающей улице Каблукова с утра проходила демонстрация трудящихся. Нам, детям, строго-настрого было запрещено

выходить со двора.

«Там пьяные, хулиганы и разные стилияги», – запугивали нас.

Пьяных – раскачивающихся дяденек – я видела не раз. Стилияги были, как мне казалось, какие-нибудь двоичники-второгодники, которых никто не уважает. А хулиганы... это слово внушало страх.

Самые смелые из нашей детворы открывали двери ворот и смотрели на проходившую мимо шумную толпу. А я с ужасом отмечала, сколько их, хулиганов и стилияг. И еще нас пугали цыганами, которые воруют детей. Это сидело крепко в моем сознании, и я никогда не нарушала запрета.

Праздновать Первомай мы шли после демонстрации. В парк Тельмана. Красный песок вокруг фонтана, играет духовой оркестр...

Когда было немного народа и с нами был папа, он позволял от самых ворот сбегать по крутому спуску – прямо к накрытым праздничным столам, где продавались ореховые трубочки и слоеные язычки с сахарной посыпкой. Можно было свободно бегать и жевать на ходу.

А когда к нам присоединялась мама, мы вели себя «прилично». «Вы же девочки!» произносилось таким тоном, что руки невольно тянулись поправить сползающие белые гольфы, а страх потерять носовой платок омрачал радость праздника.

Не торопясь и не толкаясь, мы чинно спускались по глав-

ной лестнице. К празднику она всегда была выкрашена под ковровую дорожку. Проходили мимо белой скульптуры балерины, на которую не пожалели побелки. Края каждого перехода лестницы с обеих сторон украшали львиные головы, выкрашенные в золотой цвет.

Все это вызывало уважение и создавало торжественное настроение. Я со страхом заглядывала в открытые львиные пасти – руками трогать боялась: мама говорила, там водятся ядовитые змеи.

Оказавшись, наконец, внизу, мы с сестрой наперегонки бежали на детскую площадку к качелям. И вздымались к небу наши белые банты на туго заплетенных косах!

– Сильнее, сильнее, – просила я папу, хотя от страха замирало сердце.

Рядом слышались завистливые голоса:

– Я тоже так хочу...

– Нет, нет. Держись крепче.

И я, подталкиваемая самым лучшим папой на свете, вновь взмывала выше всех.

Повсюду мелькали нарядные платья, цветы, надувные шары. А еще неотъемлемой частью майских праздников были жестяные дудочки, со всех сторон были слышны их пронзительные звуки.

Гулять в парк ходили часто, но майские гуляния были особо радостными. Возвращались уставшие, но довольные. От звука моей дудочки наша соседка Евдокия Федоровна

жаловалась маме на головную боль. После чего дудеть мне запрещали. На следующий день инструмент вообще куда-то пропал, шарики сдувались, лопались... Все, праздник закончился, до следующего мая!»

– Тимур, ты опять копаешься в маминых бумагах?

Полный мужчина в майке и шортах заглянул в комнату и недовольно посмотрел на сына. Мальчик с интересом склонился над разрозненными листами из толстой картонной папки.

– В кого ты у нас? – недовольно качал он головой. – Я в твои годы из интернета не вылезал. Бросай всю эту ерунду, пошли позавтракаем.

– Это не ерунда, пап, интересно.

– Да брось! Не теряй зря времени, сегодня поедем на боулинг.

Не споря с отцом, мальчик послушно сел за стол. Раздался звонок. Взяв трубку, отец тут же громко расхохотался. Зная, что это надолго, мальчик, взяв бутерброд, тихо вернулся в свою комнату и вновь раскрыл старую папку.

«...Но это только начало. Май – предвестник летних каникул. Вот оно – настоящее счастье! Уроки делать не надо, по утрам никто не будит. Свобода!

Выходишь в общий двор, он утопает в тени ветвистых акаций, в середине двора растет старый серебристый тополь,

у которого мы всегда играли в куликашки. Около него – водопровод. А чуть подальше – беседка тети Кати. Она всегда в цветах: то обвита фиолетовыми выюнами, то шиповник зацветет, издавая тонкий аромат.

Сегодня с утра там возится дядя Вадим в старой клетчатой рубашке с засученными рукавами. Мы, детвора, уже знаем, что это означает, и наблюдаем сквозь зеленые прутья беседки.

На старой деревянной тумбочке устанавливается примус. Сначала в отверстие сбоку в него вливается керосин. Закрывается крышечкой. Движения дяди Вадима неторопливы, он аккуратно закручивает крышечку бутылки с остатками горючей жидкости, потом принимается за примус. Спичкой зажигает его, осторожно, не торопясь подкачивает. Когда примус с шумом разгорается, появляется тетя Катя с малиной. Мы оживленно переглядываемся. Она, в отличие от своего степенно-молчаливого мужа, более словоохотлива. Комментирует свои действия, ставя на огонь эмалированный тазик с водой: «Немного, – поясняет, – чтобы сахар растворить». На наших глазах белая горка оседает и превращается в желтоватый сироп. Тетя Катя помешивает его деревянной ложкой с длинной ручкой, приговаривая: «Он должен быть полностью прозрачным, только после этого можно бросать в него ягоды».

Первые малиновые бусинки расплываются по поверхности сиропа, становясь блестящими, словно отполированные.

А ложка в руках тети Кати продолжает выгребать из бидончика оставшееся содержимое. И в этот момент по всей беседке разносится дивный малиновый аромат.

– Ну, ребятки, бегите за хлебом, – командует тетя Катя.

Мы бежим врассыпную по домам, но уже через несколько минут вновь собираемся. И, как замороженные, смотрим на самый трепетный момент: из сгрудившихся ягодок закипающего варенья начинает вылезать розовая пена. О! Это кульминация!

Через прутья беседки тянутся детские ладошки с горбушками. Тетя Катя ловко собирает пенку и намазывает хлебешек.

У всех дома был и сахар, и варенье, но вот так всем вместе получить свою порцию живой пенки и тут же слизать ее с хлеба было в разы вкуснее...»

Тимур оторвался от чтения и посмотрел на недоеденный бутерброд. Из кухни доносился громкий смех отца.

«...Да, тетя Катя удивляла всех соседей не только вареньем. Ее не желтые, а коричневые от обилия доброй сдобы и яиц куличики поражали всех. Таких я за всю жизнь больше нигде не пробовала.

Говорили, что мама тети Кати, будучи в девках, работала на царской кухне. Каким ветром ее дочь занесло в Среднюю Азию, в Ташкент – неизвестно.

Кто только не жил в нашем дворе на улице Асакинской в доме номер пять!

И сосланные репрессированные, и немногословные интеллигенты, и те, кто при закрытых дверях ел форшмак, и те, кто из распахнутых горланил «Шумел камыш, дере-е-вьягнулись...»

Крыльцо тети Кати выходило на улицу, у них с дядей Вадимом на кухне был свой кран с холодной водой, что считалось верхом комфорта. Рисунки на их высоких потолках приводили в недоумение, но, если вы заглядывали к тете Зине через стенку, можно было понять, в чем дело.

Из окон следующего дома нашего двора часто разносилась прекрасная музыка. Это Елена Вадимовна играла на пианино. Мы, детвора, почтительно тихо проходили мимо ее окон. Приносили ей воду. Заносили алюминиевые бидончики в крохотную кухоньку-прихожую.

Одним взглядом можно было охватить небольшую комнатушку, где она жила. Пианино у стены, почти впритык – маленький круглый стол с двумя стульями, за красивой ширмой виднелся край железной кровати. И повсюду книги – в небольшом шкафу, на этажерках, даже на широких подоконниках.

Так доживала свой долгий век русская дворянка, дочь врача бухарского эмира, родившаяся в далеком Петербурге, успевшая присесть в глубоком реверансе перед последним царем, посетившим Смольный институт, где она училась.

Мы поняли, кто жил с нами рядом, спустя время, когда подросли, а тогда босоногая детвора носилась по старому двору, предаваясь удовольствиям счастливого детства.

Если во дворе появлялись древние старушки с палочками в каких-то необыкновенных туфлях с пряжками и круглыми каблуками, в накидках, шарфиках и обязательно в шляпках, мы уже знали, чьи это гости. Подходили, здоровались, с любопытством оглядывая сумочки на цепочках и зонтики. Старушки отвечали на наши приветствия, мило улыбаясь, и обращались к нам только на «вы».

Дальше жила тетя Ляля с сыном и младшей дочерью. Сухонькая старушка с неизменной папиросой во рту. Вообще-то старушкой ее назвать было бы, по-видимому, неверно – слишком властной она выглядела.

Я заходила к ним во двор, чтобы поиграть с ее внучкой. Никаких разговоров не помню, но в памяти отпечаталась старая книга, забытая на террасе, без картинок, с необычным мелким шрифтом, со странным названием «Псалтырь».

Тетя Ляля покровительствовала нашей маме – молодой соседской невестке. Через много лет мама расскажет историю, как эта семья попала в Ташкент, как чудом удалось сохранить дорогое украшение. И, когда возникали финансовые проблемы, тетя Ляля вытаскивала из него крупную жемчужину и шла на Алайский, чтобы продать ее одному старому еврею.

Какие фамилии были начертаны на почтовых ящиках на-

шего двора! Шаховы, Танеевы, Лебедевы, Цыбульские...

Дома у тети Гали устраивались детские праздники. Почти все дети двора ходили в музыкальную школу и играли на фортепиано. На черном полированном, с витиеватыми рисунками инструменте с канделябрами с обеих сторон игрались польки и этюды.

Я, встав на табуретку, волнуясь, «с выражением» читала стихотворения. Каждый раз новое. И попробуй только прочитать что-то из школьной программы – засмеют!

После культурной программы мы ждали, когда нас пригласят на чаепитие с пирогами, рулетами и другими печеными лакомствами. Но и это было не все: уходя, каждый получал по два круглых заварных пирожных в салфетке. Сколько радости я испытывала, когда бежала уже в темноте через общий двор домой, чтобы поделиться впечатлениями и угостить сестру!

Дальше жила Евдокия Федоровна – дочь поляка-бунтовщика, сосланного в Сибирь еще в царское время. Отчество ее, скорее всего, первоначально звучало несколько иначе, но в те времена было довольно распространенным явлением называться русскими именами. Чтобы особо не выделяться.

Такой безукоризненной чистоты в доме, как у нее, наверное, не было ни у кого из соседей. Нигде ни пылинки, подушки в накрахмаленных, идеально выглаженных наволочках возвышались пухлыми квадратами на аккуратно застеленной кровати, а на них, как фата невесты, накинута полу-

прозрачный тюль. Потолки и стены – все белоснежное, только зеленый кактус и цветущая герань на подоконнике улыбались солнечным зайчикам, заглядывающим в окна сквозь прозрачайшие стекла.

А в самом конце двора, был наш дом...»

Тимур оторвался от чтения и прислушался к голосу отца. Он вспомнил, как позапрошлым летом, когда он еще не умел читать, мама, раскрыв эту папку, внезапно расплакалась и стала кричать на папу. Он оправдывался, говорил что-то о фотографиях, которые ему кто-то не вернул.

Вот бы взглянуть на них! Тимур бережно перебрал исписанные листы. Нет, ни одной не сохранилось. Как жаль. Он попытался представить себе дом его предков. С высокими потолками, толстыми кирпичными стенами, такими, что в самый знойный день в нем было прохладно без кондиционера...

Мальчик вновь склонился над папкой.

«...Наш дом... Он приходил ко мне еще долгие годы во сне. Сколько слез, сколько горьких упреков было высказано книжными девочками папе! За то, что допустил, что они, пишущие стихи, ведущие дневники, грезящие театром, мечтающие о славе, из «дворянского гнезда», как негласно называли наш район, очутились на глухой окраине города. В безликой панельной многоквартирке. Вдали от любимой

восемнадцатой школы, а главное – от родного парка Тельмана.

Как он мог, почему не добивался своего права, ведь мы, как «частники», могли остаться в центре?

Дочери плакали, не зная, как их отец сам себя корил бессонными ночами. Их добрый, мягкий папа не мог признаться (да они бы тогда и не поняли), что он не из породы «победителей».

И этот самый ген уже передан им. Его нерешительность трансформируется у них в неумение «вырвать свое» отразится на судьбах – неправильно выбранными профессиями, ненаписанными картинами, несочиненными стихами...

Его любимые дочери – принцессы на горошинах – всю жизнь проживут в золушках, так и не дождавшись своих принцев. Там, куда они попали, их просто нет...»

– Да здесь он, где же ему еще быть?! – опять ввалился в комнату развеселившийся отец. – Читает опять! В кого таким книжным червем уродился – не знаю. Мы с Раношкой вроде бы нормальные. А? Ну да, в прабабку. – Тимур, ну-ка поздоровайся с дядей, скажи, как соскучился...

– Алло, здравствуйте... – только и успел сказать мальчик.

Отец выхватил телефон и продолжил громко что-то рассказывать и о чем-то договариваться, бросив, однако, недовольный взгляд на папку в руках сына.

«...Пятый номер. От тебя не осталось ничего. Только дорога и спуск к парку. Проходя, я вспоминаю, как летом босиком бегала здесь за мороженым. Не оглядываюсь на здание банка грязно-красного цвета за прочной решеткой, появившееся на дорогом месте.

Для меня по левую сторону до сих пор стоят ворота, а за ними – оно, мое детство, наш двор и соседи.

Елена Вадимовна, когда почувствовала, что уже не в состоянии справляться со своими нуждами, приняла в один прекрасный вечер большую дозу снотворного.

Что она видела в своем последнем сне на этой земле?.. Детство в Петербурге, учебу в Смольном или ушедшую теперь уже Россию?

Пустой холодильник, потому что все надо было доставать? Но за свою долгую жизнь она так и не научилась договариваться с продавцами гастронома.

А потом – уже не закрывающаяся дверь: еду приносили бывшие ее студенты и знакомые, на что она очень обижалась.

А может, видела родного брата, с семьей проживающего в Париже, к которому ее не выпускали те, кто время от времени по ночам посещал ее крохотные апартаменты?

Елена Вадимовна Шумейко... Тоже «непобедительница»?

А тетя Ляля, а тетя Нюра, не боявшаяся в те времена распевать тоненьким голоском «Аллилуйя» перед иконкой?

Знаю, они все уже там, наверху. Поднимаю глаза и вижу

над собой целое созвездие, парад «непобедителей»

Тех, кто учил нас читать хорошие книги, никогда не брать чужого и вести себя достойно.

Ценности, которые нам привили, не позволившие, как мне казалось, добиться в жизни больших успехов, оказались непреходящими. Они помогли мне прийти к Богу. И какое счастье, что не были достигнуты те обманчивые цели, за что потом пришлось бы расплачиваться!

Мой внутренний мир не разрушен, душа полна любви и готовности созидать.

А что же испытывала наша прабабушка, когда в небольшом приграничном городке она, оставшись без мужа и с маленькой дочкой на руках, вынуждена была перебраться в глиняную мазанку? Поднимаясь, каждое утро она видела сквозь верхушки деревьев крышу своей конюшни, в которой до шестидесятих годов прошлого столетия будет располагаться главпочтамт. Что испытывала эта женщина, когда проходила мимо своего дома, не смея к нему приблизиться?

Все, что ей удалось утаить от новой власти, – какие-то украшения, золотые монеты, – поменяли на муку и сахар во время войны.

В шестидесятые она приезжала к нам в Ташкент на Асакинскую, обычно летом. Маленькая, аккуратная старушка, никогда не повышавшая голоса. Выросла со служанками, а умирая, очень хотела надеть крепдешиновое платье. В то время это был дорогой наряд: один метр ткани стоил шесть

рублей.

Я знаю, ее звездочка тоже там, наверху.
Царство вам Небесное, «непобедители»...»

– Все! Собирайся! – опять влетел в комнату отец. – Ты поел? Иди выпей сок и переодевайся. Забросим Лолку с детьми в парк, а оттуда на боулинг!

– В какой парк? – оживился Тимур. Я хочу в парк Тельмана.

– Да прекрати, Тимур! Нет в Ташкенте никакого парка Тельмана, и не было никогда. Я здесь полжизни прожил, ни разу не слышал. Это выдумки твоей прабабки. Не читай ты эту чушь. Из-за этой макулатуры мы с твоей мамой сильно поругались.

– Это не макулатура, мама говорила, что здесь есть какая-то ценность.

– Нет там никакой ценности. Я тоже думал, может, бабка закопала клад где-нибудь под деревом и написала – нет, ничего такого. Писанина какая-то... Выдумки.

Заехав за тетей Лолой с ее дочками, папа и сын отвезли их в большой парк. Тимур здесь был впервые, и ему понравилось. Захотелось остаться с девочками, покататься на аттракционах, побегать, рассмотреть все. Вокруг столько всего интересного! Но папа его тянул за собой.

– Ну все, девочки, дальше вы сами? – нетерпеливо спра-

шивал он.

Стоя перед летней сценой в виде раскрытой раковины, Тимур повернул голову туда, где лестницу сверху в нескольких местах пересекали боковые переходы. Все утопало в зелени. Мальчик пристально рассматривал, не мелькнет ли среди цветов тонкая фигурка белой балерины.

– А как называется этот парк? – спросил он у тети.

– Парк Бабура – с улыбкой погладила она своего любимца по голове. – Это знаменитый старый парк.

Он опять посмотрел на лестницу.

– А как он назывался раньше?

– Понятия не имею! Пошли, пошли, – торопил его отец, увлекая за собой.

Сев в машину, он начал перечислять, сколько им можно будет получить удовольствий за этот выходной день, если поторопиться.

Тимур послушно кивал, но ему больше хотелось оказаться сейчас в своей комнате и дальше читать пожелтевшие страницы дневников прабабушки, которыми никто никогда не интересовался. Ни папа, ни даже мама, которая гордилась бабушкой, берегла толстую папку, но не заглядывала в нее, ссылаясь на занятость. То она в командировке, как сегодня, то торопилась в салон, чтобы привести себя в порядок...

Пожелтевшие страницы терпеливо ждали своего маленького хозяина.

«...Наш двор, наш дом. Сколько раз во сне я испытывала несказанную радость, когда видела их. Вот они, родные, на месте. Раскрыли свои объятия цветущие акации, цветы в палисадниках, солнечные зайчики играют на деревянном полу... Крыша кладовки, на которой встречаются соседские кошки...

Канули в прошлое тенистые дворы с одноэтажными домами, покрытыми черепицей. Нет уже тех крылечек, палисадников, заборов из старых досок, тропинок, утопающих в цветах, ведущих к самодельным душевым, где под влажными досками внизу сновали мокрицы с разными жучками, а к уроненному кусочку колбасы быстро выстраивался ряд кусачих мурашей.

И того водопровода, к которому мы, набегавшись, с жадностью припадали и напивались вкуснейшей в мире водой, уж нет...

Землетрясение 1966 года изменило все. Выкошены дворы, на их месте выросли четырехэтажные дома. Баня на Дархане исчезла за ненадобностью.

Шестидесятые уходили под шум города, разрастающегося во все концы панельными окраинами.

И разнесло хорошие семена «непобедителей» ветром стремительных перемен. Хватило ли закваски на всех? Или растворились они в потоке тех, кто устремился безудержным потоком во все концы земного шара?..»

Мария КРАСОВСКАЯ

Эдельвейс

*И, вместо смеха, словно песнь,
Слеза скатилась с глаз
На недоступный эдельвейс.
Цветущий только раз.
Сергей Феденков*

Бодрая молодая женщина уверенно вела группу подростков к скоплению безжизненных холмов. Уже подуставшие, ребята вяло плелись за своей учительницей истории и подумывали остановиться передохнуть. Палило яркое солнце, в его ослепительном свете большие бугры казались миражом, чем-то призрачным, сказочным. Это завораживало. Многие останавливались и, разинув рты, любовались открянувшейся их взору картиной.

– 8 «А»! Не расходимся, держимся вместе! – крикнула Дия Алишеровна, заметив, что ученики начали разбредаться и отставать.

– Хорошо, давайте немного отдохнем, а я пока расскажу вам о месте, куда мы пришли.

Послышались удовлетворенные возгласы, и ребята, сев

на свои рюкзаки, принялись внимательно слушать.

– Перед нами Афросиаб. По легенде, правитель Турана царь Афросиаб основал этот город, который впоследствии стал древней согдийской столицей – Маракандой. Трудно поверить, но эти желто-коричневые бугры и бесформенные нагромождения хранят в себе множество историй и великие тайны прошлых веков. Просто представьте, что когда-то на этом месте стояли высокие и неприступные стены, цитадель – сила Великого Согда, лавочки ремесленников и глиняные домишки. «Затем я, Ахура Мазда, создал несравненную Согдиану, богатую садами», – это слова Верховного бога зороастрийцев из их священной книги. Кто помнит, как она называлась?

– «Авеста»? – спросила Ясмينا.

– Верно. Священная книга зороастрийцев называлась Авестой, – подтвердила Диля Алишеровна. – Руины Афросиаба помнят осаду Мараканды Александром Македонским. Древние согдийцы являлись великолепными воинами. Помните, я говорила вам о Спитамене? Так вот, он был согдийским военачальником, который поднял восстание против Александра Македонского.

– Но ведь Македонский все равно захватил Согд, – вмешалась Шахина.

Диля Алишеровна снисходительно улыбнулась.

– Не все так просто, моя хорошая. История – очень спорный и трудный предмет. Да, Спитамену не удалось освободо-

дить Бактрию и Согд от войск Александра. Однако в битве у Политимета Спитамен впервые смог разгромить войско Македонского, которое считалось самым непобедимым. После подавления восстания и смерти Спитамена Александр вошел в Мараканду и разрушил ее.

Шахина грустила. Ей очень хотелось оказаться в этом некогда прекрасном городе, прогуляться между домами, сразиться за свободу родного края, как Спитамен. Почему люди не изобрели машину времени, чтобы ей, Шахине, удалось пережить эту историю? Девочка уже не слушала учительницу. Она осматривала руины и размышляла о людях, живших в этом городе. Интересно, какими они были? Внезапно около небольшой стены Шахина увидела девушку, одетую в бледно-желтое платье в пол. Незнакомка была необыкновенно красива: длинные каштановые густые волосы заколоты на затылке, но несколько прядей все же выбилось из идеальной прически и спадало на хрупкие плечи, обрамляя бледное лицо. Глаза девушки, которые она отвела от Шахины, выражали невыносимую скорбь. Любопытство заставило Шахину тихонько, чтобы никто не заметил, подойти к прекрасной незнакомке и расспросить ее обо всем, что так интересовало девочку. Но, подойдя ближе к тому самому месту, где она видела девушку, Шахина никого не обнаружила. Только оплывшая глиняная стена безмолвно стояла посреди таких же бесформенных холмиков. «Наверное, показалось», — грустив, подумала Шахина, но все же внимательно огляде-

ла стену, ничего примечательного не заметив. Ну конечно, ведь столько лет прошло! Шахина дотронулась рукой до стены и закрыла глаза...

* * *

Меванча нетерпеливо стояла у стен храма, переминаясь от волнения с ноги на ногу. Мараканда пустела, а вместе с тем обливалось кровью и сердце девушки. Она любила этот город, который был с ней с самого ее рождения. Обожала это тихое место у стены храма, где росло одно единственное гранатовое деревце, листочки которого шумно откликались на зов ветра. Солнце бледными лучами цеплялось за крыши домов и верхушки башен, дабы не позволить надвигающейся ночи хозяйничать в ее любимом городе. Впервые за столько лет Мараканда молчала. Угнетающая тишина некогда шумного и богатого города словно злорадствовала и казалась Меванче ужасно долгой. Но вот показалась фигура Эскотара, развеяв страхи и грусть девушки. Согдийский воин быстро шагал навстречу своей возлюбленной, держа в руках цветок алой розы.

– Эскотар! – воскликнула Меванча. – Я думала, ты уже не придешь.

Юная согдианка приняла розу и с благоговением взглянула на возлюбленного. Он был хмур и раздосадован, все время отводил глаза куда-то в сторону и мало говорил. Меванча

не могла видеть, как мучается ее любимый, и спросила:

– Что случилось? Расскажи мне.

Темно-зеленые глаза Эскотара заволокло пеленой. Он бережно взял тонкую девичью кисть и накрыл ее своей ладонью.

– Спитамен убит. Не то массагетами, не то собственной женой. Александр уничтожает целые поселения из-за восстания. Становится опасно, Меванча. Мы не можем больше продолжать эту партизанскую войну.

Эта новость повергла девушку в шок. Она не могла смириться с тем, что происходит на ее родной земле. Меванча и Эскотар были в числе восставших, когда Спитамен взял на себя командование повстанцами.

– Ты должна укрыться в Ариамазе. Это самое безопасное место на данный момент. Войска Александра никогда не смогут взять эту крепость.

Меванча отрицательно покачала головой:

– Нет, ни за что, Эскотар! Я не брошу тебя здесь одного. И что это за война? Мы прячемся от Александра, словно трусливые мыши...

Согдийский воин перебил свою возлюбленную:

– Ты меня не слышишь, Меванча. Необходимо немного переждать. Возможно, мы сможем договориться с Александром и обойтись без жертв.

Меванча гневно взглянула на Эскотара:

– Что ты говоришь? Нельзя пожимать руку, держащую

меч! Александр никогда не даст свободу Согду. Он хочет, чтобы мы слепо подчинились ему. А я не могу подчиниться человеку, который уничтожает мою родину!

– Прекрати, Меванча. Говорю тебе, уезжай на Согдийскую Скалу. Я не переживу, если с тобой что-то случится. Обещаю, я буду приходить сюда, на наше любимое место, и ждать тебя. Как только войска Александра будут повержены, мы сыграем свадьбу. А сейчас уходи, пока не поздно. Уходи!

Девушка не могла сдерживать слез, не решаясь покинуть любимого. Дурное предчувствие овладело ею. Сомнение, гнев, досада, смятение – самые разные чувства одолевали согдианку. Она молча вертела в руках алую розу, не обращая внимания на острые шипы, которые впивались, оставляя на белых ладошках красные отметины.

– Меванча, мое священное пламя, – Эскотар взглянул в глаза любимой, утирая ее горькие слезы, – я клянусь тебе, мы еще встретимся. Но сейчас ты должна быть смелой и сильной. Побудь в Ариамазе, чтобы я был спокоен.

– Обещай мне беречь себя, Эскотар.

– Обещаю.

Меванча молча кивнула и, не глядя на возлюбленного, побежала прочь. Она знала, что Эскотар с грустью смотрит ей вслед. Понимала и то, что эта встреча с любимым может быть последней.

Горная крепость Ариамаз была самым неприступным ме-

стом Согдианы. Таковым ее делали высокие отвесные стены, затруднявшие подступы. Продовольствия, как заявила девушка Лала, хватит всем защитникам еще на десять лет. Находясь в крепости, Меванча каждую минуту думала о возлюбленном и не могла найти себе места. Красавица Роксана, дочь бактрийского вельможи Оксиарта, сидела спокойно, и лишь изредка можно было услышать ее тяжелый вздох. Бактрийская княжна порой угрюмо взирала на беспокойную Меванчу, метавшуюся из угла в угол.

– Прекрати, Меванча. Ты заставляешь меня переживать, – тихо произнесла Роксана. – Мой отец сказал, что нам опасаться абсолютно нечего.

Лала пожала плечами, а ее подруга Апана между тем встревоженно заявила:

– Я слышала, что Александр предложил нам сдаться.

– Да, но мой отец твердо решил стоять на своем, – успокоила девушку Роксана.

Лала вновь молча пожала плечами, продолжая смотреть в одну точку.

Роксана, заметившая, что ее слова несколько не успокоили девушек, пустилась в разъяснения:

– Александр пообещал помиловать всех сдавшихся. Естественно, эти слова ничего, кроме смеха, у наших людей не вызвали. Отец лишь посоветовал Александру где-нибудь приобрести крылатых воинов, потому как иначе эту крепость взять не удастся.

– И что же Александр? – оживилась Лала и придвинулась ближе к бактрийской красавице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.